

*Профессор В.А. Духовный,
Директор НИЦ МКВК,
Вице-президент МКИД*

***Вода и глобализация:
перспективы для Центральной Азии***

Глобализация – плюсы в динамике.

Глобализация, как процесс распространения определенного влияния в масштабах всего мира стартовал реально в водной отрасли в 1950-х годах прошлого столетия с инициированным возникновением профессиональных всемирных организаций, связанных с водой, а также деятельностью в области воды организаций системы ООН. Международная комиссия по ирригации и дренажу (МКИД) и созданная несколько позже Международная ассоциация гидрологических исследований (МАГИ) были одними из первых, развернувших большую работу по созданию национальных комитетов этих организаций во многих странах как развитых, так и развивающихся и подготовке их единой платформы по обмену опытом, знаниями, информацией, что в значительной степени способствовало взаимному проникновению водной практики развитых стран в развивающиеся, стран социалистического лагеря в страны капиталистического и наоборот. Именно эта деятельность не только способствовала росту научного, профессионального потенциала, обмену «ноу-хау», но и формированию человеческих связей, которые впоследствии повлияли на создание в конце 20 века общности водных специалистов всего мира, которая бурными темпами в огромной многообразии развернулась уже на наших глазах. Немалую роль в этом распространении «ноу-хау» и водных знаний сыграла деятельность межгосударственных организаций системы ООН, в первую очередь ЮНЕСКО, в водную программу которого были вовлечены многочисленные участники стран по обе стороны «железного занавеса», развивающиеся страны, а также региональные комиссии ООН (ЭСКАТО, ЭКЛА, ЭКА и другие) и примыкающие к ним международные научные центры, связанные с водой, такие как JASSA, CGIAR и другие.

В этот период советская водная наука и практика очень активно участвовала на водных форумах мира: министр водного хозяйства СССР Е.Е. Алексеевский был президентом МКИДа, выдающиеся советские ученые А.Н. Аскоченский, В.В. Пославский, К.К. Шубладзе, Б.Г. Штепа были вице-президентами этой организации. С большим успехом в 1975 г. был проведен IX Всемирный Конгресс МКИДа в Москве, а в 1976 г. в Ташкенте - первая Афро-Азиатская конференция этой организации, что привлекло внимание к успехам развития мелиорации и водного хозяйства в СССР, авторитету советских специалистов и одновременно к вовлечению их в совершенствование принципов управления водным хозяйством в глобальном масштабе. Поток знаний шел как двухсторонняя дорога: СССР перенимал опыт совершенного орошения (капельное, определенные виды дождевания, гидравлическую автоматизацию), советская наука вносила вклад в мировое развитие работами своей гидрологической школы по оценке водных ресурсов, построению гидрографов стока в условиях статистической неопределенности, теории и практике дренажа, строительству высотных плотин, по размеру которых (Нурек, Токтогул, Братск, Енисей и др.) страна занимала ведущее место в мире. Большую известность и распространение получил так называемый, комплексный метод освоения и орошения пустынных земель на примере значительного по масштабам развития в Центральной Азии, Казахстане, заброшенных земель в Азербайджане, в Поволжье, Калмыкии. Все это способствовало широкому развитию коммерческих связей, а также контрактных работ,

выполняемых по договорам с различными странами, точно также как и зарубежных поставок оборудования, техники, технологий. Коммерческое развитие водохозяйственной деятельности приобрело очень большой размах в странах не только социалистического лагеря (Вьетнам, Корея), но и в таких как Египет, Сирия, Йемен, Мозамбик, Ирак и т.д. Создание Ассуанской плотины на реке Нил с ее большим техническим, и политическим значением, показало всему миру технологические и организационные возможности гидроэнергетики. Таков был вклад в создание в 60-80-е годы определенного водохозяйственного и мелиоративного бума во всем мире, в результате которого орошение, дренаж и водное хозяйство стали признанными инструментами ликвидации или снижения бедности, голода и решения многих социальных проблем современного мира. Примечательна в этом отношении запись, сделанная в книге отзывов Голодностепстроя в 1967 году премьер-министром Турции Сулейманом Демерелем во время его посещения комплексного освоения земель Голодной степи: «Правители, которые хотят дать своим народам хлеб, работу и возможность счастливо развиваться, должны приехать сюда и взять на вооружение этот замечательный опыт социального преобразования своих стран».

В 70 ... 80-е годы проявился новый этап роста глобального влияния на процессы водного развития. Передовые силы человечества прозрели, поняв, что продолжение безудержного использования ресурсов природы человеком без оглядки на его возможности и без увязки с экологическими требованиями может привести не только к зональным катастрофам, но и к их перерастанию в глобальный кризис. Хотя это движение не получило всемирного развития на первых порах, однако, оно способствовало формированию двух важных факторов глобальной водной политики – выработке определенных принципов, восходящих к Брутландовскому лозунгу: «Человек! Ты получил природу не в наследство от своих предков, а взял ее в долг у своих потомков», который заслужил в широком плане мировое признание и способствовал созданию престижа тех стран, которые следовали этим принципам сохранения природы нашей планеты в ее первоначальном виде для будущих поколений. Эффект престижа, много значащий для политических лидеров, общественных движений, особенно в развитых странах, хотя и не является рычагом, который может остановить мир в его хищническом движении к потреблению природных ресурсов, но во всяком случае имеет громадное моральное и нарастающее политическое влияние.

Вторая сторона этого процесса – это появление документов, формирующих юридическую основу рационального природопользования и водопользования, как в мировом, так и в национальном масштабе: «Хельсинские правила», а затем долголетняя компания по формированию таких документов, как Рамсарская Конвенция, Конвенция по борьбе с опустыниванием, Европейская Конвенция 1992 г. и, наконец, Конвенция ООН по международным водотокам 1997 г. И не удивительно, что сразу после независимости страны Центральной Азии вынуждены были строить свои взаимоотношения и на старых традициях, но одновременно с оглядкой на рамки ООН по созданию своей законодательной базы. Хотя их юридическая сила до сих пор не вполне определена, но эти документы дают возможность понимания целенаправленного движения мирового сообщества к справедливому и равноправному использованию водных ресурсов, а также к соблюдению принципа «не загрязняй, а загрязняешь – плати».

Вода – определенный объект мирового внимания. Возникновение под влиянием роста мирового дефицита воды и его зональных проявлений глобального водного движения в виде международных организаций и инициатив вовлекло множество правительственные, неправительственные организации, решающих лиц, интеллектуалов, водников в общечеловеческое водно-интеллектуальное, водно-моральное, информационное и технологическое развитие. Всемирный Водный Совет, три Всемирных Водных Форума, Глобальное водное партнерство, Киотский протокол, Доклад Всемирного Водного Форума в Гааге "Водное видение" и последующая за ним Боннская Конференция и ее резолюция сыграли огромную роль в концентрации внимания политиков на необходимость коренной переориентации водного хозяйства от удовлетворения потребностей в воде на управление

потребностями, достижение потенциальной продуктивности воды во всех отраслях производства. Распространение передовых подходов и методов управления, их популяризация способствовали практическим шагам многих стран в этом направлении. Очень важно понимание возможности удовлетворять нужды общества при удельном потреблении воды на человека 250 ... 400 м³/человека в год даже в условиях аридного климата Иордании, Израиля на современной технической основе и решениях, но и на очень жесткой и принципиальной политике этих государств, стимулирующих водосбережение, поддерживающих финансово и законодательно систему современного водопользования и управления водой, демонстрирующих вовлеченность общества в управление и поддержание водного хозяйства. Деятельность Глобального водного партнерства, АБР, Швейцарской международной кооперации развития, Европейского Союза с их Водной инициативой создали сначала профессиональное понимание Интегрированного управления водными ресурсами (ИУВР), а затем и политическое проникновение и последующую проверку. В этом большую помощь оказали ознакомительные поездки, тренинговые семинары, курсы и обучение, демонстрирующие наглядно в аналогичных нашим условиям примеры Французского управления бассейнами, Испанских водных конфедераций, существующих уже 70 лет, итальянских водных коммун, где бассейновое гидрографическое управление с активным участием водопользователей и их представителей дало первые ростки такого перехода.

Не менее важное значение имеет и демонстрация японского опыта сочетания интересов природы и общества при огромной плотности населения, такого же бережного и уважительного отношения к воде в Голландии, Канаде, Швейцарии, зачатки гидроэкологического управления бассейнами в США, которые доказывают развивающимся странам и странам с переходной экономикой на целесообразность следования этим примерам и использования инструментов рационального природопользования.

Роль международных финансовых организаций в глобализации. Положительная роль Всемирного Банка и других на первом этапе перехода от советской системы к вхождению в рыночные отношения, когда высококвалифицированные специалисты этих организаций самоотверженно и с высоким приложением своих человеческих качеств и знаний стремились помочь в освоении местными специалистами правил этих институтов сегодня по прошествии десяти лет позволила внедрить определенные передовые технологии, оборудование, компьютеризацию, информатику, методы.

По прошествии 12 лет донорского участия у водных и экологических органов Центральной Азии сложилось четкое понимание различий в подходах доноров к работе со своими партнерами. Целый ряд доноров ориентируется на поддержку местных бенефициариев таким образом, чтобы создать у них самих возможность самовыражения, устойчивости, демократических подходов при решении своих проблем сначала при финансовой поддержке доноров, а потом и при их мониторинге и участии. Они провоцируют подготовку стратегических подходов на долговременной основе, обучение местных специалистов передовым приемам и методам, подготовку самостоятельных кадров и их проникновение в зарубежные «подходы» и создание своих адаптированных к новым условиям. Таковы примеры проекта «ИУВР в Ферганской долине» - МКВК и ИВМИ при поддержке SDC (Швейцария), Автоматизация сооружений на Сырдарье и каналах и проект Информационного обмена МКВК (они же), деятельность Тренингового Центра МКВК (CIDA) при поддержке Университета МакГил и ЮСАИД и т.д. Такие проекты создают прочный фундамент выживания и эффективного функционирования; в них доноры действуют бескорыстно в интересах нуждающихся, и стараются удовлетворить приоритеты и задачи, которые ставят перед собой бенефициарии без выставления к ним политических, экономических и других условий при полном доверии в части осуществления проектов. При этом местные специалисты рассматриваются как полноправные партнеры и исполнители. К таким донорам нужно отнести Швейцарию, Канаду, Голландию, Программу «За мир» НАТО, Программу Евросоюза FP 5, FP 6, INTAS. Другая группа доноров навязывает

бенефициариям свои приоритеты, не доверяет местным специалистам, непомерно затягивает решение вопросов выделения помощи, обставляет эту помощь такими условностями, что в результате 70...80 % практически возвращается к самим донорам в виде оплаты их консультантов, их оборудования и т.д. Более того, обычно такие проекты не ориентируются на конечные результаты – для них важен сам факт выделения помощи, а не его эффективность.

Особо хотелось остановиться на работе с Всемирным Банком по проблеме Аральского моря. МБРР базируется на сложнейшей бюрократической системе, где решение о выборе, содержании, подготовка, далее защита, утверждение и прохождение проектов через всех чиновников Банка занимает несколько лет, даже для объектов, в принципе одобренных, поддержанных и по стоимости не представляющих большой суммы. Стратегический проект "Улучшение использования водных ресурсов и окружающей среды в бассейне Аральского моря" в 12,2 млн. дол. США, объединяющий 5 стран Центральной Азии, финансируемый GEF в 4 года готовился тоже более 4-х лет. Проект закончен в 2003 году, намеченное техническое задание по результатам работ, нанятыми консультантами абсолютно не достигнуто, но деньги закрыты и все спокойны – консалтинговая компания получила деньги, Всемирный Банк закрыл проект – только регион не получил той стратегии, которой он ожидал.

Между тем на первом этапе взаимодействия МКВК и МБРР была достигнута четко организованная работа, когда «Основные положения Региональной водной стратегии региона», как основа этого проекта, выполнялась самими представителями стран региона при равном их участии лишь при одном модераторе со стороны Мирового банка (проф. Януш Киндлер). Однако в последующей работе Банк уготовил роль «помощников на подхвате», которые выполняют всю основную «черную» работу и получают за это в десятки раз меньше, чем иностранные специалисты. В результате ограничений кредиторов и грантодателей по финансовой мощности, по обязательному участию иностранных специалистов местные организации самостоятельно не могут участвовать в тендерах, в конкурсах и это способствует развалу и резкому сокращению проектных и научных организаций.

Эффективность представления донорской помощи могла бы быть намного повышена при условии повышения доверия к местному потенциалу стран-бенефициариев. Доноры бесспорно за собой должны оставить функции постоянного контроля за конечными результатами и за общим мониторингом хода реализации, и не заниматься постоянным контролем за каждым шагом работ. Для выполнения комплексных региональных программ необходима организация донорских Советов для координации и взаимодействия в целях повышения эффективности средств Международного донорского сообщества, это позволит исключить распыление средств, различные рекламные акции и соперничество доноров. Одновременно это мероприятие может способствовать возрастанию авторитета донорского сообщества, концентрирующего усилия всех для улучшения условий жизни и помощи развивающимся странам.

Монетаризация водного сектора

Выявление значительного дефицита капвложений, которые мир может уделить водному развитию, способствовал и к появлению двух других отрицательных тенденций в мировом водном развитии. Первое принадлежит пониманию воды как товара, навязываемому многими монетаристами, которые призывали к полной окупаемости всех затрат на формирование, добычу, доставку и использование воды.

Лозунг, провозглашенный бывшим Вице-президентом Всемирного Банка Исмаилом Серигильдиным "вода – это нефть 21 века", получил огромную поддержку у финансовых кругов. Они увидели в нем путь к монетаризации воды, к превращению ее в такой же источник дохода, как глобальный товар – нефть, газ. США в законодательстве отдельных

штатов широко поддерживает акционирование прав на воду. В районах интенсивного развития таких, как Денвер, где вся вода в штате Колорадо была поделена еще в 19 веке, это привело к ежемесячным аукционам, на которых стоимость 1 акции на право бессрочного владения 1 акрофутом воды возросла 20 USD за 1 м³ воды. Это вызвало ажиотаж у владельцев акций на оросительную воду, которые вначале продавали сэкономленную воду, а потом перешли на продажу воды со всей орошаемой площади. Если эта тенденция распространится на весь мир – орошение, бесспорно, проиграет ценности воды для промышленности, водоснабжения, и тогда человечество потеряет 40 % баланса продуктов питания, даваемых орошаемым земледелием. Америке это не грозит – властелин мира прокормит свое население, а как быть развивающимся странам? Кто купит воду для поддержки беднейшего населения, для сохранения природы?

Но вода (в отличие от нефти) является судьбоносным элементом ноосферы – это кровь жизни, это субъект природы и социальной обеспеченности, несоблюдение которой приводит к гибели большинства населения мира. Только воздух может быть приравнен к воде по его значению для человека – ведь ничто не может заменить ему воду и воздух. Без нефти и газа можно прожить всю жизнь, без воды – одну неделю! Нефть может быть заменена дровами, углем, соломой или электричеством - но ничто не может заменить воду! У воды нет заменителя, а у человека нет выбора в отношении воды. Принцип экономической ценности воды наряду с природной и социальной в соответствии с Дублинской декларацией должен лишь служить целям поддержания ее экономического рационального использования, но ни в коей мере не превращения в предмет торга и продажи. Вода может приобрести форму товара лишь после удовлетворения социальных и экологических нужд в определенных условиях: наличия дефицита, возможности ее подачи в любое необходимое время без ущерба базисным нуждам и возможности конкурирующих потребителей обеспечить безущербную плату за эти излишки.

К сожалению эти тенденции затронули и наш регион, когда провоцируемые некоторыми донорами верхнерасположенные страны начали сравнивать воду и газ, воду и нефть и требовать от нижележащих стран не долевого участия в их затратах на общую пользу, а плату за воду как товар.

Отрывочное знакомство плохо подготовленных представителей "новой демократии" с международным опытом, подогреваемое не совсем разобравшимися международными консультантами, начали раздувать программу продажи естественной воды, текущей по трансграничным рекам нижележащим странам так, что у некоторых общественных деятелей потекли слюны от предвкушения продажи, например, воды Нарына Казахстану, Таджикистану и Узбекистану по 12 центов за кубометр! В качестве прецедента приводилась "продажа, дескать, воды Лос-Анджелесу и Сан-Диего от системы "Империял воллеу" или аукционы воды в Колорадо, забывая о том, что во всех этих случаях продавалась не вода, а право "лицензии" на воду.

В то же время продажа высвобождающихся лимитов воды в рамках АВП и между ними, так же как и создание экономических стимулов водосбережения должны всеми поддерживаться и распространяться.

Другая сторона тенденции «вода – товар» привела на рынок воды крупнейшие мировые мегакомпании с их стремлением к приватизации. И хотя это прикрывалось благородными целями – покрытием дефицита средств для водного развития путем привлечения частных капиталов и частных потенциалов, однако это сразу привело к резкому удорожанию водного фактора, к снижению окупаемости водохозяйственных затрат и это в свою очередь способствовало оттоку капиталовложений из водной отрасли.

К счастью, пока опыт приватизации ограничился лишь участием Трактебея в Казахстане, откуда эта компания вынуждена была срочно убраться - потенциал социальных возможностей водо- и энергопотребления оказался совершенно не рентабельным для таких методов.

Вокруг проблемы частного участия в водном хозяйстве до сих пор кипят страсти. Но ясно одно, что водное хозяйство, как таковое, являясь элементом государственной безопасности не может быть отдано в частные руки – частный сектор может быть вовлечен только в производство определенных услуг для водного хозяйства под строгим государственным надзором. Привлечение компаний и капитала на улучшение управления водой, создание и развитие водной инфраструктуры, водосбережения, вовлечение сбросных вод должно приветствоваться и поощряться государством, так как опыт менеджеров в частном бизнесе поможет поднять эффективность сбережения воды.

Глобализация водных ресурсов напрямую нам не грозит, но водно-энергетический рынок, т.е. развитие сети гидроэлектростанций или использование существующей их сети для коммерциализации гидроэнергетики (а стало быть и воды) в интересах стран, может создать определенное давление на воду. У развитых стран этот вопрос решен очень дальновидно – владельцы ГЭС, например в США, Канаде не являются владельцами плотин и водохранилищ. Последние находятся в федеральной собственности, например, у Бюро мелиорации США или провинциальных гидрокомпаний в Канаде (Квебек-гидро, Онтарио-гидро, Коламбия-гидро и т.д.). ГЭС покупают воду для производства гидроэнергоресурсов, если график попусков позволяет это.

Киргизстан и Таджикистан используют свои водные ресурсы в первую очередь с точки зрения обеспечения своих энергетических потребностей и одновременно оказания определенного давления на нижерасположенные страны. Однако сегодня на гидроэнергетическом рынке Центральной Азии появился новый игрок – РАО АЭС, который заключил соглашение с правительством Киргизстана на выработку для РАО АЭС 800 млн. кВтч гидроэлектроэнергии в зимнее время. Одновременно российские энергетики заключили договора с Таджикистаном на реконструкцию и достройку ряда гидроузлов на Вахше, а также прорабатывают вопрос о строительстве ГЭС на Пяндже и Камбаратинских ГЭС на Нарыне. Естественно, что передача электроэнергии в этом случае ими будет осуществляться для подпитки своих сибирских энергосистем через Казахстан, а в дальнейшем может появиться аппетит выйти на других заказчиков, например, Пакистан, Иран, Индия, где стоимость электроэнергии намного выше. Такая глобализация гидроэнергетическая может жестко отразиться на стабильности водообеспечения в Центральной Азии и, особенно природной среды, если не будут соблюдены интересы всех трансграничных стран.

Продовольствие и субсидии связаны с так называемой «виртуальной» водой, с помощью которой потребности населения дефицитных и голодающих стран будут удовлетворяться и уже удовлетворяются за счет импорта продовольствия. Бывший президент СССР г. Горбачев М.С. на II Всемирном водном форуме в Гааге выступил даже с программной речью, призывая страны Центральной Азии приостановить орошение у себя, высвободить воду для природы, а самим переключиться на «виртуальную» воду развитых стран. Политика государственной поддержки сельского хозяйства в развитых странах с более благоприятными почвенно-климатическими условиями способствует своим производителям пищевой продукции в поставках дешевого продовольствия путем определенной политики тарифов, льгот для них и повышения таможенных сборов на импорт и т.д. и больших субвенций (таблица 1).

Таблица 1

Субвенции в сельском и водном хозяйстве

	1999-2001гг. в среднем за год		2000 г.		2001 г.	
	абс.	PSE*	абс.	PSE*	абс.	PSE*
ОЭСР	272563	35	241599	32	230744	31
ЕС-15	115330	39	89617	34	93083	35
США	55433	25	49333	22	49001	21
Канада	3709	18	4153	19	3928	17
Япония	53809	61	54888	61	47242	59
Южная Корея	18335	66	19337	67	16838	64
Мексика	4515	15	6032	19	6537	19
Венгрия	1151	23	912	20	580	12
Исландия	161	67	139	62	108	59
Норвегия	2511	67	2138	64	2173	67
Польша	2584	19	997	7	1447	10
Словакия	389	25	335	23	151	11
Швейцария	4869	72	4356	70	4214	69
Турция	7707	23	7882	24	3978	15

Здесь мы встречаемся с двумя скрытыми проявлениями глобализации: пищевой рацион и политика субсидий.

Пропаганда западного и американского образа жизни с его очень нездоровым рационом питания через рекомендации ВОЗ тянет мир к белковому рациону, который по затратам воды намного более расточителен, чем рацион, имеющий хождение в Центральной Азии (табл. 2). Невозможность выделения больших площадей под производство кормов приводит к провоцированию импорта мясных и молочных продуктов из-за границы.

* PSE (Producer Subsidy Equivalent) – эквивалент производительных субвенций (все виды субсидий и дотаций в % к стоимости валовой продукции сельского хозяйства в пересчете с национальной валюты в доллары)

Таблица 2

Уровень потребления основных продуктов питания в зарубежных странах и СНГ в расчете на душу населения в год, кг (2000 г.)

Продукты	Рекомендуемые ВОЗ нормы потребления	США	Франция	Дания	Россия	Туркестан 1907	Узбекистан 1998
Хлебопродукты	117	81	80	70	128	227	198
Овощи	119	81	76	89	79	67	99
Фрукты	80	120	126	92	74	41	89
Сахар	38	30	34	34	34	5	18,1
Мясо и мясные продукты	78	116	106	100	48	36	31
Молоко и молочные продукты	405	288	420	386	229	216	153

Этим защищаются национальные рынки и сельхозпроизводство в своих странах, и осуществляется товарная интервенция в развивающихся странах. Это привело к падению мировых цен на сельскохозяйственные продукты по сравнению с 1980 г почти в 2 раза, убыточности и сокращению развития сельскохозяйственного производства во многих развивающихся странах без мощной государственной поддержки. Грубо сказать, развитые страны сажают развивающиеся страны на иглу импорта. Сегодня эта игла может быть не столь болезненна как может возникнуть в будущем, когда собственный товаропроизводитель будет разрушен, а мировые цены опять пойдут вверх и приведут к еще большему обездоливанию беднейшего населения этих стран.

Если страна более 30 % продуктов питания импортирует, то она находится под угрозой продовольственной безопасности. Но сельскохозяйственное производство тесно связано со всем экономическим развитием каждой страны, ибо сельское хозяйство получает свои ресурсы от 8- отраслей экономики и само обеспечивает существование 60 отраслей экономики другого направления. По данным исследования Российской Академии сельскохозяйственных наук каждый работник сельхозпроизводства обеспечивает за его пределами занятость еще 5 человек.

Еще более опасна политика субсидий. Субсидии запада практически создали невозможность для наших фруктов и овощей соперничать с европейскими продуктами на рынке России, и Россия покупает более дешевые фрукты и овощи, но намного хуже по вкусу. Водный сектор – как можно сейчас поддержать без субсидий современное орошаемое земледелие, когда оно базируется на ценах, резко упавших за последние годы. Все дело в конечной форме, в которой государство должно субсидировать водное хозяйство и орошаемое земледелие. Без дотаций – сельское хозяйство окажется без источника к существованию. Избавиться от субсидий можно будет, когда цены на экспортные продукты поднимутся – может и наш сельхозпроизводитель тогда избавится от них, но пока он работает по низким ценам при низкой покупательной способности внутреннего рынка – нельзя оставлять его без субсидий.

Роль субсидий в орошаемом земледелии, в водном хозяйстве зависят от тех сил, которые управляют субсидиями невидимо от сферы наших интересов. Можно возразить: какие могут быть силы - рынок и государственные приоритеты. Если субсидирование производства продуктов питания и технических культур в развитых странах делается для завоевания рынков в развивающихся странах, то их государства должны защищать своих товаропроизводителей. Ответом на внешние субсидии могут быть лишь внутренние субсидии или защита отечественных производителей путем введения таможенных и налоговых препятствий для импортеров. Но здесь вступают в игру личные интересы чиновников, посредников, лоббистов, которые хотят заработать на этом и любой ценой, зачастую во вред своим соотечественникам проталкивают импорт взамен протектирования собственного производства. Последствия таких вредных акций касаются не только самих сельхозпроизводителей – они отражаются на всем комплексе социального благополучия села, развитии и существовании транспорта, отраслей вторичной переработки и сопряженных отраслей и т.д.

Все это завязано в тугой клубок, и неправомочные решения, вроде лежащие на поверхности, зачастую не приносят успеха в национальном масштабе. Возьмем, например, субсидирование водного хозяйства. Мировой Банк и другие МФО все время с начала независимости понукали все страны региона отказаться от поддержания водного хозяйства. К чести узбекских, кыргызских и туркменских руководителей они этого не допустили. Казахстан на первых порах пошел на почти полное снятие всех источников поддержания водного хозяйства, особенно мелиорации земель. По началу все шло хорошо – Минфин радовался, но скважины вертикального дренажа, например, юга Казахстана, стали. Крестьянам не по карману было удовлетворить покрытие водой в эксплуатации скважин за счет своих доходов. Постепенно засоление, о котором в прошлое время забыли, как раковая опухоль распространилось по Южному Казахстану, и земли, которые давали 30 ... 35 ц хлопка с гектара снизили урожай хлопка до 17 ... 18 ц! Вот и потери для всего сельскохозяйственного сектора на площади почти 200 тыс. га. К чести Правительства Казахстана, они справились и взяли займ у МФО на 40 млн. долларов!

Ответом на вызовы Глобализации должна быть регионализация – сотрудничество регионального сообщества, которое позволит выработать общие меры региональной безопасности: водной, энергетической, продовольственной и экологической. Она позволит выровнять имеющиеся зональные перекосы в росте населения, в наличии избытков воды у одних, излишков земли у других, в жизненном пространстве и в целом может гарантировать мир и благополучие в нашем регионе. Результаты наших демонстрационных участков во всех странах ЦА показывают, что самое дешевое зерно – в Казахстане, сахар и картошка - в Киргизии, фрукты и овощи – в Таджикистане и Узбекистане, кукуруза – в Узбекистане. Если бы удалось, как в ЕС, договориться о внутренних и внешних ценах по региону на сельскохозяйственные продукты, то можно было полностью обеспечить регион всем необходимым. Кстати, перспективные расчеты на 2025г. показывают, что если это не будет сделано, то Киргизия и Таджикистан не смогут обеспечить себя и тогда они планируют интенсивно развить орошение, что не может не отразиться на водообеспечении трех нижерасположенных стран.

Интересы сотрудничества в пределах Центрально-Азиатского региона, основанные на понимании взаимных интересов всех участников, должны послужить барьером к распространению вредных гидроэгоистических тенденций у нас, ибо 60 % населения, проживающего в наших странах на селе и 100 % всего населения зависит прямо и косвенно от воды, доходов орошаемого земледелия, а они во многом (наряду с другими странами) зависят от устойчивости и гарантийной водоподдачи.

Все это демонстрирует, что глобализация для наших стран имеет не только положительное значение, но и создает определенные подводные и надводные течения, которые представляют опасность, если государства не будут их учитывать в своей планирующей и решающей деятельности.

Народы наших стран, объединенные многовековыми общими культурными, человеческими, социальными, правовыми и религиозными тенденциями должны ориентироваться на положительные стороны глобализации с приводимыми ее вредными проявлениями путем регионализации.